

Глава I

П а р. Пусть Марс примет вас в число своих любимчиков.

Шекспир. Конец — делу венец

Кто знаком с суматохой и деятельностью торговых городов Америки, тот не узнал бы ныне в тихом порту Род-Айленда той гавани, которая в дни своего процветания считалась одним из самых значительных портов на всем нашем обширном побережье. На первый взгляд кажется, что природа будто нарочно создала этот порт, чтобы удовлетворить нужды и осуществить желания моряка. Благодаря четырем большим преимуществам — хорошему географическому положению, спокойным водам, свободному доступу и удобному рейду — наши предки-европейцы считали, что Ньюпорт предназначен служить единственным убежищем для кораблей и поставлять флоту целую расу опытных и умелых моряков. Последнее предположение отчасти оправдалось, но зато действительность развеяла ожидания относительно первого. Счастливый соперник появился в непосредственном соседстве с этим избранным природой местом, чтобы провалить все коммерческие расчеты и лишний раз доказать, что человеческая мудрость — это безумие.

Не много найдется хоть сколько-нибудь значительных городов на наших обширных землях, которые так мало изменились бы за полстолетия, как Ньюпорт. Еще прежде, чем полностью стали использоваться огромные природные богатства страны, прекрасный остров, на котором расположен

этот город, избрали своим местопребыванием многие плантаторы Юга, пришедшие в поисках убежища от жары и болезней, от знойного климата, в стремлении подышать укрепляющим здоровье морским воздухом. Жители Каролины и Ямайки, подданные одного и того же государства, дружески объединились, чтобы сравнить свои права и обычаи.

Такие сравнения отразились на простых и неопытных потомках пуритан со всеми своими дурными и хорошими последствиями. Местные жители заимствовали некоторую мягкость манер, отличавшую колонистов южных английских колоний, но в свою очередь привили пришельцам свои особые воззрения на различие человеческих рас.

Род-Айленд был первой провинцией Новой Англии, отменившей от простоты нравов и традиций ее основателей. Она первая нанесла удар по резким и грубым манерам, которые некогда считались признаками истинной веры, внешней порукой внутренних достоинств человека; она первая резко отвернулась от спасительных принципов, которые могли бы заставить извинить еще более грубые нравы. По странному стечению обстоятельств, столь же несомненному, сколь и необъяснимому, негоцианты Ньюпорта сделались одновременно и работоторговцами, и джентльменами, и торговля рабами началась именно с того времени, как нравы стали утонченнее.

Однако каково бы ни было моральное состояние жителей в 1759 году, сам остров никогда не был более цветущим и красивым. Гордые вершины еще были увенчаны лесами, старыми, как мир; маленькие долины покрыты цветущей зеленью Севера; простые, но чистые и удобные деревенские домики украшены богатыми коврами из цветов. Красота и плодородие этого края дали ему заслуженное имя, выразившее больше, чем думали поначалу: местные жители называли свои владения «Садом Америки», и их гости с жгучих южных равнин согласились с этим названием. Это гордое

название сохранялось до нашего времени, до тех пор, пока здесь можно было любоваться прекрасными многочисленными долинами и густыми тенистыми лесами.

Год, названный нами, был замечательной эпохой британского могущества на этом континенте. Кровавая, жестокая война, начавшаяся неудачами и поражениями, заканчивалась триумфом. Франция лишилась последнего своего владения на материке, между тем как огромная территория от Гудзонова залива до земель Испании подпала под власть Англии. Жители колоний сильно содействовали успехам своего отечества. Первоначальные потери и поражения забывались в упоении успехом.

Ошибки Брэдока, небрежность Лаудона, бездарность Эберкромби — все было заглажено мужеством Эмерста и гением Вулфа. Во всех уголках земного шара торжествовала английская армия. Верные колонисты являлись самыми пламенными энтузиастами и шумно проявляли свои восторги, несмотря на ту ничтожную долю славы, которую им уступал могущественный народ, и уступал с пренебрежением: любовь к славе, как и скупость, по-видимому, возрастают по мере их удовлетворения.

Система угнетения и тирании, ускорившая неизбежное рано или поздно разделение, еще не была применена на практике. Родина-мать, за отсутствием справедливости, проявляла по крайней мере снисходительность. Как все древние и могущественные нации, она предалась приятно-му, но опасному удовольствию — любоваться собой. Достоинства и заслуги расы, на которую смотрели в Англии как на низшую, были забыты, а если их и вспоминали, то только для того, чтобы унижить, представляя в ложном свете. К этому добавлялись и политические разногласия, а все вместе вызывало недовольство, приводило к новым несправедливостям и ошибкам. Люди, которых опыт должен был бы сделать благоразумнее, не стеснялись проявлять,

даже в высшем национальном учреждении, свое полное невежество относительно характера народа, с которым в сражениях вместе проливали кровь. Под влиянием развившегося высокомерия ветераны войны унижали свое благородное звание глупым самовосхвалением, недостойным даже примитивного слуги. Под этим низменным влиянием тогда же Бергойн дал в палате общин известное обещание пройти от Квебека до Бостона с названным количеством солдат; он, правда, сдержал впоследствии свое обещание, пройдя это расстояние с вдвое большим числом людей, но только товарищей по плену. Наконец, под этим же самым влиянием Англия бездумно принесла в жертву сто тысяч человек и растратила миллионы из своих сокровищ.

История этой памятной борьбы знакома каждому американцу. Осознав, что его отечество победило, он отводит этой победе достойное место в истории. Теперь он видит, что власть его родины покоится на прочных и естественных основах, и, для спокойствия своей совести, так же как и для утверждения своего достоинства, он понимает, что благоденствие республики не должно покупаться ценой унижения соседних наций.

Наша тема уводит нас в эпоху тишины, предшествовавшей буре революции.

В первых числах октября 1759 года Ньюпорт, как и другие города Америки, предавался одновременно и радости, и печали. Жители оплакивали смерть Вулфа и в то же время торжествовали его победу. Квебек, ключ Канады и последний значительный пункт, находившийся в руках народа, на который колонисты с детства смотрели как на врага, только что переменял своих хозяев. Верность английской короне, претерпев массу бедствий, тогда особенно укрепилась: не было ни одного колониста, не считавшего делом чести призрачную славу Брауншвейгской династии.

День, с которого начинается наша история, как и тысяча дней потом, огласился колокольным звоном и пушечными выстрелами по случаю победы королевского оружия. С раннего утра население высыпало на улицы с явным желанием повеселиться, желанием, которое обычно не приводит к истинному удовольствию. Оратор излил все свое красноречие, произнес речь в честь павшего героя, и убедительно выразил свою преданность короне, униженно повергнув к подножию трона славу не только этой жертвы долга, но и тысяч других храбрых соратников, павших вместе с победителем.

Народ, удовлетворенный таким проявлением верности, стал расходиться по домам. Солнце склонялось к широким просторам, тогда еще пустынным и диким, а нынче плодородным и изобилующим всеми благами цивилизации. Жители окрестных деревень и гости возвращались в свои далекие жилища, руководствуясь своей расчетливостью, характерной для местных обывателей: даже в минуты, когда они, похоже, беззаветно предаются веселью, не забывают, что наступающий вечер вовлечет их в лишние расходы, которые они не считали необходимыми для выражения своих чувств в этот день. Одним словом, возбуждение улеглось, и все возвращалось к своим обычным занятиям с обязательностью, показывающей, что они и так много времени потратили на выражение своих чувств.

В городе снова стали раздаваться удары молота, топора, шум пилы. Окна некоторых лавок были полуоткрыты, как будто их владельцы заключили некий компромисс между своими интересами и своею совестью. Можно было видеть, как хозяева трех гостиниц, единственных в городе, стояли у своих дверей, провожая уходивших крестьян взглядами, явно демонстрирующими их желание привлечь клиентов, всегда более готовых скорее продать, чем купить. Однако лишь несколько праздных матросов со стоящих на якоре кораблей да еще небольшая группа завсегдаев кабаков